

Отношение школьников Москвы и Риги к экстремизму

*Владимир Собкин
Арег Мкртычян*

Молодежный экстремизм – одна из острейших проблем современного общества. Его распространенность обусловлена многими причинами. Среди основных можно отметить: фактическое отсутствие социальных программ поддержки и занятости молодежи, очевидное усиливающееся расслоение общества на „богатых” и „бедных”, проблемы, связанные с получением качественного образования, культурную маргинализацию и др. Следует специально выделить и социально-политические факторы: активность националистически настроенных партий и организаций, деятельность различных неформальных групп. Ценностно-нормативная неопределенность и, в тоже время, политический максимализм способствуют формированию обостренного чувства несправедливости, которое в сочетании с процессами групповой идентификации и „социальным бесстрашием” создают благодатную почву для формирования экстремистских настроений среди молодежи (4).

Экспансия экстремистских взглядов наблюдается в самых разнообразных сферах подростковой и молодежной культуры. При этом, подобная идеология зачастую успешно маскируется обидами, нонконформистскими установками и взглядами, что затрудняет возможность идентификации. Помимо этого следует отметить, что стремление к групповой сплоченности и идентичности определяют легкость распространения экстремистских взглядов в молодежной и подростковой среде (1).

Подростковый возраст – это один из наиболее значимых периодов с точки зрения социализации и становления личности, формирования ценностных ориентаций, морально-нравственных принципов и

форм поведения. Одной из важных особенностей данного возраста, наряду с нигилизмом и максимализмом, является стремление подростков к автономности и независимости. В силу этого, различные протестные формы поведения воспринимаются подростками как особые формы социальной взрослой активности, тем самым определяя значимость подобного поведения для формирующейся личности школьника. Вместе с тем, социальная активность в ситуации выражения протеста (в определенных контекстах) способна формировать и девиантные формы поведения, трансформируя отношение подростка к насилию. Насилие начинает восприниматься как оправданный, нормативно допустимый и эффективный способ выражения своих взглядов и требований. Это, в свою очередь способствует тому, что девиантное поведение приобретает уже не разовый, а системный характер, являясь почвой для решения широкого спектра социальных конфликтов (буллинг – поведение в школе, проявление экстремистской активности).

Исследование отношения подростков к экстремизму предполагает три разных аспекта.

Во-первых, отношение к экстремизму предполагает определенную степень информированности о подобных организациях и личный опыт взаимодействия с ними (в т. ч. через знакомых). Таким образом, одним из значимых аспектов исследования отношения школьника к экстремизму следует выделить влияние микросоциального окружения на формирование позиции по отношению к экстремизму.

Во-вторых, отношение школьников к экстремизму может проявляться на разных уровнях: 1) на уровне личного принятия или отвержения экстремизма как специфической идеологии и способа решения социальных проблем; 2) на уровне социальных оценок, когда экстремистские действия оцениваются относительно их легитимности и существующей государственной политики в отношении экстремистских организаций. Оценка школьниками политики властей и санкций в отношении экстремизма – это своеобразный индикатор отношения подростков и молодежи к проблеме легитимизации насилия в целом.

В-третьих, отношение к экстремизму, как особой форме девиантного поведения характеризует становление ценностно-нормативной системы личности. Естественно, что влияние экстремистской идеологии наиболее ярко проявляется в предпочитаемых способах разре-

ния конфликтных ситуаций и выражении своих протестных взглядов. В связи с этим в рамках исследования отношения к экстремизму следует уделять внимание способам конфликтного и протестного поведения.

Ключевые слова: микросоциальное окружение, отношение подростков к экстремизму, протестное поведение.

Основные направления исследования

Исходя из описанных представлений о специфике молодежного экстремизма и отношения школьников к данному явлению была разработана специальная исследовательская программа, ориентированная на выявление значимых аспектов, характеризующих своеобразие проявлений экстремизма в подростковой и молодежной среде.

Прежде всего, речь идет об исследовании влияния микросоциального окружения школьника на его отношение к экстремизму. Помимо этого, нас интересовала позиция школьников относительно самих экстремистских действий, а также оценка санкций, которые применяются правительством в отношении экстремистских организаций. В данном контексте становится возможным выявление не только личной позиции (принятия или отвержения) респондентов относительно экстремизма, но и оценивание степени легитимности самих экстремистских действий. Также наше исследование затрагивало вопросы, связанные с формами проявления собственной протестной позиции, равно как и самой склонности к протесту среди школьников.

Помимо указанных выше аспектов, определяющих специфику молодежного экстремизма, равно как и актуальность исследования данной проблематики, выделим ряд условий, которым, в силу их влияния на отношение школьников к экстремизму, в исследовании уделялось особое внимание.

Прежде всего, речь идет о том, что одним из наиболее значимых факторов при формировании выборки для проведения данного исследования являлась национальная принадлежность школьников. Основой подобной позиции являлось понимание природы экстремизма. Экстремизм, как социальное явление, часто детерминирован спецификой межнациональных отношений, прежде всего – напряженностью, которая формируется между представителями разных национальностей. Стремление национальных меньшинств сохранить

собственную культуру, свои взгляды и принципы часто приводит к конфликтам с представителями государствообразующей нации, что является почвой для формирования экстремистской идеологии, причем как среди представителей национального большинства, так и меньшинства.

Важно отметить, что формирование экстремистских взглядов может основываться не на факторе национальности, а именно на принадлежности ее представителей к группам большинства или меньшинства. Это особые социокультурные ситуации, когда представители национального большинства могут оказаться в положении национального меньшинства. В силу этого особое место в нашем исследовании было отведено сравнительному анализу результатов, полученных среди московских, латышских школьников и русскоязычных подростков, обучающихся в русских школах на территории Риги. Отметим, что в дальнейшем данную русскоязычную выборку мы условно обозначили как „русские”, т. к. именно представители русской национальности существенно преобладают в указанной группе респондентов, равно как и в группе московских школьников.

Как мы уже отмечали выше, немаловажным условием, определяющим отношение к экстремизму, является ближайшее социальное окружение школьника, а также личное участие в такой организации. В связи с этим для детального исследования отношения школьников к экстремизму нами была использована условная шкала, основанная на принципе „социальной дистанции”: от непосредственного личного членства в экстремистской организации, наличия друзей и знакомых в подобных группах, до отсутствия какого-либо опыта общения с представителями экстремистских групп и информации об их существовании.

Отметим также, что в силу упомянутой выше специфики подросткового и молодежного возрастов (в частности, неустойчивости системы взглядов и морально-этических принципов), данное исследование было бы не полным, если бы игнорировался анализ динамики отношения к экстремизму. Исходя из подобной позиции, отдельной линией исследования мы выделили сравнительный анализ возрастных изменений в плане оценивания и отношения к экстремизму. В связи с этим в нашем исследовании принимали участие школьники девятых и одиннадцатых (двенадцатых – в Риге) классов.

Также мы предположили, что, помимо возраста, не менее существенным фактором, определяющим отношение к экстремизму, являются гендерные различия респондентов. В силу этого нами также было уделено внимание сравнительному анализу результатов, полученных среди мальчиков и девочек.

Отметим, что настоящая статья основана на материалах социологического исследования, проведенного в 2010 году Институтом социологии образования совместно с Рижской академией педагогики и управления образованием среди учащихся основной и старшей школ Москвы и Риги.

Проявление экстремизма в микросоциальном окружении подростка

Отношение подростков и молодежи к экстремизму строиться не только на информации, которая воспринимается от взрослых или СМИ. Значимым фактором, определяющим отношение к экстремизму, являются особенности проявления экстремизма в микросоциальном окружении подростка. Личный опыт общения, взаимодействия или прямого членства в экстремистских организациях определяет и специфику отношения к экстремизму у подростка. Исходя из этого, респондентам предлагался вопрос: „Знакомы ли Вы с экстремистскими молодежными организациями?“. Отметим, что предложенные варианты ответов на данный вопрос позволяли выявить как непосредственное членство, так и распространенность экстремизма в ближайшем окружении школьника. С другой стороны, подобные варианты ответов представляют собой своеобразную шкалу „социальной дистанции“, степень которой способна определять отношение респондента к какой-либо социальной проблеме или общественному явлению, в т. ч. и к экстремизму. Подобная позиция основывается на результатах предыдущих исследований, проведенных нами ранее, где „социальная дистанция“ выступала одним из значимых факторов формирования отношения молодежи к терроризму (2).

Распределение вариантов ответов на этот вопрос среди школьников Москвы и Риги приведено в таблице 1.

Таблица 1.

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ ПОДРОСТКОВ МОСКВЫ И РИГИ
ОТНОСИТЕЛЬНО ЗНАКОМСТВА С ЭКСТРЕМИСТСКИМИ
МОЛОДЕЖНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ (%)**

	<i>Москва</i>	<i>Рига</i>	<i>p =</i>
Да, знаком (-а), я сам (-а) состою в такой организации	2,7	3,1	–
Да, мои близкие друзья состоят в таких организациях	4,0	2,5	–
Да, у меня есть знакомые, состоящие в таких организациях	17,7	7,0	.0001
Да, я знаю об их существовании, но лично не сталкивался (-лась)	24,3	17,0	.04
Нет, я не знаком (-а) с такими организациями	51,2	70,4	.0001

Как видно из таблицы 1, подавляющее большинство, как московских, так и рижских подростков, отмечает, что не знакомо с подобными организациями лично. Это весьма ожидаемый ответ. Но его очевидность связана, на наш взгляд, не только (и не столько) с полным отсутствием у подростков, выбравших данный вариант ответа, информации об экстремистских организациях, но и с тем, что существует несоответствие между обывательским и научным (прежде всего юридическим) трактованием понятий „экстремизм“, „экстремистские организации“. Весьма вероятно, что оценивая группы или организации, с которыми подросток знаком лично (или в которой он состоит), он не характеризует их как экстремистские, коими они могут являться при оценивании их деятельности в юридической плоскости. Также следует обратить внимание на тот факт, что доля подобных ответов среди московских подростков существенно ниже, нежели среди рижских респондентов (51,2% и 70,4%, соответственно). С одной стороны, подобное распределение ответов может быть связано с большей собственной „познавательной“ активностью московских подростков, которая выражается не столько в желании вступить в экстремистскую организацию, сколько пассивно наблюдать за ее деятельностью. С другой стороны, данный процент ответов косвенно может являться показателем активности и распространенности самих экстремистских организаций на территории государства, которая выражается в стремлении максимально часто заявлять о себе (через

СМИ, интернет), быть все время на виду, вести активную пропаганду (в т. ч. и незаконную) среди подростков и молодежи. Подтверждением подобного предположения также являются значимые различия по варианту ответа „да, я знаю об их существовании, но лично не сталкивался”, который выбрали 24,3% московских и 17% рижских подростков. В целом, как видно из таблицы 1, московские подростки в большей степени отмечают свое косвенное (через знакомых и друзей) знакомство с молодежными экстремистскими организациями, в то время как реальная включенность в подобные группы чаще отмечается рижскими школьниками.

Наряду с описанными выше результатами нами также был проведен сравнительный анализ ответов, полученных среди мальчиков и девочек. В частности, можно отметить, что мальчики чаще девочек отмечают свое непосредственное членство в экстремистских организациях. Такую позицию отметили 3,6% московских мальчиков и 1,7% девочек в Москве, а также – 5,3% рижских мальчиков и 1,3% девочек ($p=.01$). А девочки, наоборот, чаще отмечают, что вообще не знакомы с подобными молодежными организациями. Такой ответ отметили 57,2% московских девочек и 74,4% рижских девочек и мальчиков, соответственно, ($p=.005$). Такое распределение вполне ожидаемо. Во-первых, в силу асоциальной и часто противозаконной направленности экстремистских организаций, их члены, действительно, не стремятся афишировать свою причастность к организациям. Во-вторых, экстремистские организации, вне зависимости от степени своей юридической легитимности, как правило, подразумевают, помимо неких политических акций, еще и различные силовые методы декларации своих взглядов, а также демонстративную ориентацию на спортивное (духовно-патриотическое) развитие своих приверженцев. Подобная специфика и делает их более ориентированными на мужскую часть молодежной субкультуры, т. к. именно в ней находят отклики спекуляция на таких ортодоксально мужских ценностях, как сила, выносливость, умение постоять за себя (родину, семью и т. д.).

Нами была выделена еще одна линия анализа специально для рижской выборки – принадлежность респондентов к латышам и к русским, проживающим на территории Латвии (в Риге). Весьма интересным представляется тот факт, что процент русских респондентов в Риге, отметивших свою непосредственную включенность в экстремистские организации, выше, чем у латышей и московских школьни-

ков (это 4,2% русских и 2,1% латышей, $p = .01$). Следует предположить, что подобное распределение связано с изменением позиции русских школьников в Риге (где они представляют собой национальное меньшинство), по сравнению с Москвой (где русские являются государствообразующей нацией). Подобная картина косвенно отражает степень межнациональной напряженности и давления, которые ощущают на себе русские школьники в Риге. В подобной ситуации специфической социальной и правовой изоляции и, возможно, даже враждебности, вступление (или объединение) в экстремистскую организацию представляется национальному меньшинству эффективным способом защиты собственных интересов и взглядов не только от представителей титульной нации, но, в определенной степени, и от властей, которые в своей межнациональной политике ориентированы, прежде всего, на защиту прав и интересов большинства. В то время как аналогичное поведение не является необходимым для представителей государствообразующей нации, что, собственно, и подтверждается ответами латышей и русских школьников из Москвы.

Как мы уже отмечали выше, степень близости знакомства с экстремистскими организациями отражается не только на объеме знаний и информации о них у подростка, но и на его поведении, в том числе и в конфликтных ситуациях со сверстниками. Транслируемая экстремистская идеология отражается в специфике моделирования собственного поведения подростка за пределами экстремистской группы, в бытовых ситуациях, например, в школе. В частности, членство в экстремистской организации влияет на характер поведения в процессе школьного насилия (буллинга), определяя роль и статус в ситуации „школьной травли“. Для проверки подобного предположения в ходе анкетирования респондентам задавался вопрос, моделирующий ситуацию школьного насилия („буллинга“). Сам вопрос был сформулирован следующим образом: „Представьте, что в Вашем классе учится человек, который подвергается насмешкам, издевательствам или игнорированию со стороны других одноклассников. Какой будет Ваша реакция?“.

Как показали результаты исследования, позиция агрессора („булли“) наиболее привычна и приемлема для тех респондентов, которые отметили свое непосредственное отношение к молодежным экстремистским организациям. Именно данная категория респондентов ответила, что в качестве наиболее приемлемой для себя реак-

ции по отношению к человеку, подвергающемуся буллингу в классе, они выберут издевательства над ним. Как видно из рисунка 1, эту позицию выбрали 18,2% подобных респондентов в Риге и 16,7% среди московских подростков.

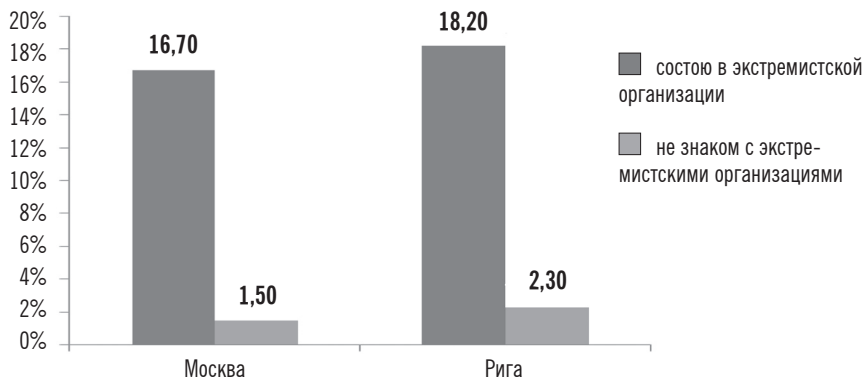


Рис. 1. Влияние членства в экстремистской организации на поведение в ситуации школьного насилия (%)

Для сравнения, среди подростков Риги и Москвы, ответивших, что они не знакомы с экстремистскими организациями, аналогичный вариант выбрали лишь 1,5% и 2,3%, соответственно. Очевидно, что разделяемая подростком идеология знакомой ему экстремистской организации вращивается в ценностно-нормативную систему человека, определяя взаимодействие с другими людьми и нормы поведения в целом. С другой стороны, можно предположить, что сама по себе позиция „булли” в ситуации школьной травли представляет собой косвенный индикатор наличия у подростка диспозиций к экстремистскому поведению.

Таким образом, можно отметить, что микросоциальное окружение во многом способно определять личную позицию респондента не только относительно экстремизма, но девиантных форм поведения в целом. Учитывая специфику данного возраста, которая выражается, прежде всего, в отсутствии фиксированной системы ценностей и принципов, влияние социального окружения приобретает значимый характер, определяя не только характер поведения подростка, но и его личностную организацию.

Отношение подростков к экстремистским действиям

Одним из явных индикаторов отношения к экстремизму является оценивание различных насильственных действий, многие из которых следует квалифицировать именно как экстремистские. При этом отношение к экстремистским действиям может включать в себя два аспекта. С одной стороны – это оценивание не самих экстремистских действий, но санкций со стороны властей. В этом смысле речь идет не столько о личном отношении к экстремизму, сколько о принятии общественных, социальных правил и норм, в т. ч. направленных на противодействие экстремизму, т. е. о проявлении определенной конформной позиции по отношению к политике властей. С другой стороны, в позиции относительно экстремизма следует выделять личный аспект, соотнесение подобных действий с собственной ценностно-нормативной системой. В частности, нашим респондентам задавался вопрос: „Оправдываете ли Вы экстремистские действия, которые влекут за собой нанесение телесных повреждений, причинение материального ущерба, вандализм и нарушение общественного порядка?“. В ходе анализа ответов на данный вопрос были получены вполне ожидаемые результаты, демонстрирующие отчетливое негативное отношение к экстремистским действиям со стороны как рижских, так и московских подростков. Вполне вероятно, что на полученные результаты повлияла не только личная позиция опрошенных, но и определенные установки на социальную желательность.

В целом, школьники и Москвы и Риги склонны негативно оценивать любые действия экстремистского характера. Как показали результаты сравнительного анализа ответов московских и рижских школьников, большинство (как московских, так и рижских) школьников отмечают, что не оправдывают экстремистских действий с применением прямого насилия, аргументируя свой ответ тем, что подобное поведение противоречит принципам респондентов относительно поведения в конфликтной ситуации. Т. е. наблюдается соотнесение данных девиантных действий именно с собственными нормами, а не с формальными правилами. Можно отметить, что в своей оценке экстремистских действий респонденты, прежде всего, ориентированы на личную и общественную сферу. При этом следует отметить, что общественная сфера („нет, т. к. это нарушение законов общества“ – как вариант ответа) не обязательно подразумевает фор-

мальные юридические законы, речь может идти о негласных нормах и правилах, принятых в светском обществе.

Интерес представляет вариант ответа „Мне это безразлично“, который выбрали 17,4% и 7,8% ($p=.0000$) респондентов Москвы и Риги. Несмотря на заявленное безразличие в этом варианте ответа, он, тем не менее, демонстрирует тревожную тенденцию, заключающуюся в том, что достаточно большой процент молодых и активных людей нейтрально (или безразлично) относиться к очень серьезному явлению. И опасность, в данном случае, заключается даже не в самом характере их позиции, а в том, что она, потенциально, может измениться (быстрее и ярче, нежели откровенно положительная или негативная позиции) в процессе дальнейшего взросления и социализации. Вполне вероятно, что это как раз тот пласт молодежи, который находится в „поиске“ собственной позиции по данному вопросу, или, как отмечают западные исследователи экстремизма и терроризма, это референтная группа (группа риска) для рекрутинга в существующие экстремистские организации. Представители подобной группы могут латентно принимать экстремистские взгляды и идеологию, но не декларировать ее открыто, по причине отсутствия опыта и единомышленников в ближайшем окружении (5).

Несмотря на то, что среди ответов на данный вопрос у московских и рижских школьников наблюдаются схожие позиции, нами были выявлены интересные различия по некоторым вариантам ответов при анализе результатов, полученных среди русских школьников, проживающих на территории Риги, и латышей (см. рисунок 2).

В частности, интерес вызывают результаты по варианту ответа: „Да, только такими способами сегодня можно отстоять свою позицию“, который отражает положительное отношение к экстремистским действиям. Данный вариант ответа фиксирует отношение к экстремистским действиям с точки зрения их инструментального компонента, т. е. как способа отстаивания, защиты своих интересов, прав и т. д. И, как видно из рисунка, этот вариант ответа преобладает среди русских школьников (его отметили 6,8% русских и 5,8% латышей, $p=.02$). Подобный ответ примечателен тем, что как показали предыдущие результаты, именно русские школьники в Риге чаще латышей отмечали свое непосредственное членство в экстремистских организациях. Это объясняется, прежде всего, тем, что в Латвии русские являются представителями национального меньшинства,

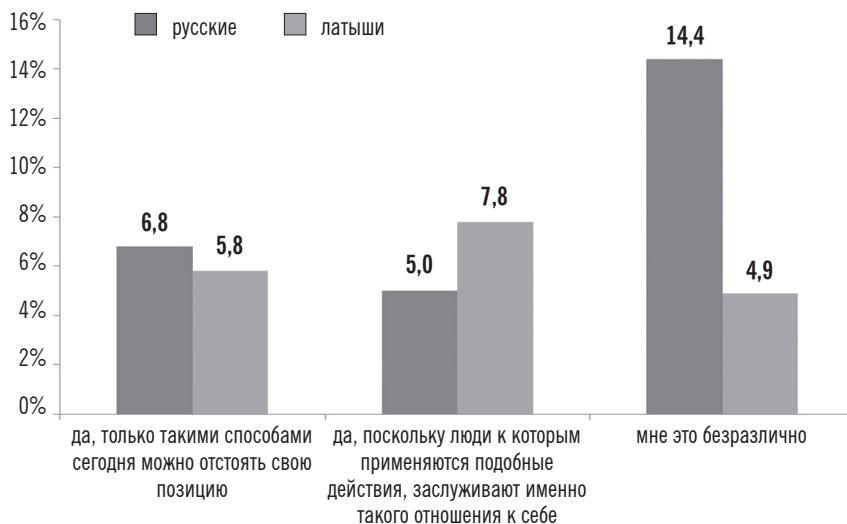


Рис. 2. Отношение русских и латышских школьников к экстремизму (%)

которое вынуждено прибегать к крайним (в т. ч. и нелегитимным) способам защиты своих прав и интересов. И в этом контексте положительное отношение к экстремистским действиям как эффективному и необходимому способу отстаивания своей позиции – закономерное следствие ситуации давления со стороны национального большинства, коим являются латыши, которые в меньшей степени склонны рассматривать экстремизм как способ защиты своей позиции. Но, с другой стороны, именно латыши чаще отмечают, что оправдывают экстремистские действия, направленные на определенную группу людей, заслуживающих (с т. зр. респондентов) именно подобного отношения к себе. Такой вариант ответа выбрали 7,8% латышей и 5,0% русских школьников ($p = .0008$). Можно предположить, что преобладание данного варианта ответа среди латышских школьников отражает, в целом, их негативное отношение к национальным меньшинствам. Таким образом, оба представленных ответа имеют каузальную связь, т. е. существует негативное отношение представителей национального большинства к меньшинству, что, в свою очередь, вынуждает представителей национального меньшинства, в стремлении отстаивать и защитить свои интересы и позицию, прибегать к

экстремистским способам реагирования, как своеобразной формы защитной агрессивной реакции. А это, в свою, очередь, вызывает дополнительное раздражение и негативное отношение к экстремизму среди национального большинства, что, естественно, отражается и на степени социальной активности. В частности, как видно из результатов, именно среди латышей отмечается меньшее количество тех, кто демонстрирует свое безразличие к экстремистским действиям. Но, если среди латышей ответ „Мне это безразлично” отметили только 4,9% респондентов, то среди русских школьников его выбрали 14,4% опрошенных ($p = .0000$).

Как мы уже отмечали выше, фактор микросоциального окружения способен определять направленность отношения школьника к экстремизму, а значит – и влиять на оценку экстремистских действий. Наглядной иллюстрацией подобного влияния являются результаты, полученные среди школьников, которые отметили свое непосредственное членство в экстремистской организации, и тех, кто отметил, что „не знаком с экстремистскими организациями”.

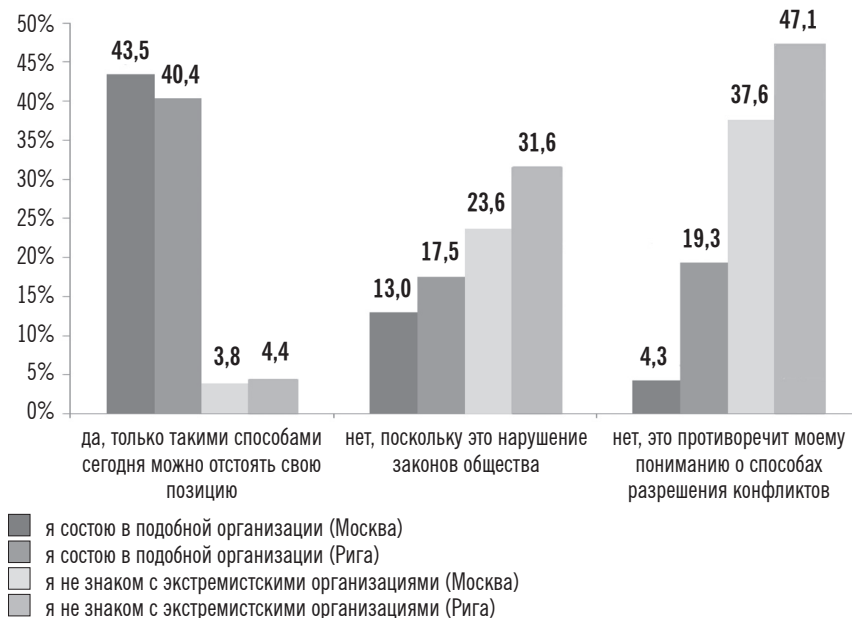


Рис. 3. Влияние фактора микросоциального окружения на отношение к экстремизму (%)

Для анализа нами были выделены несколько вариантов ответа на вопрос: „Оправдываете ли Вы экстремистские действия, которые влекут за собой нанесение телесных повреждений, причинение материального ущерба, вандализм и нарушение общественного порядка?“, которые, на наш взгляд, наиболее отчетливо демонстрируют позицию респондента. В частности, как видно из рисунка 3, наиболее популярным ответом среди московских и рижских респондентов, которые отметили свое непосредственное членство в экстремистской организации, является вариант: „Да, только такими способами сегодня можно отстоять свою позицию“. Его отметили большинство московских и рижских школьников. Это наглядная иллюстрация процесса групповой идентификации, когда любой член группы (в т. ч. и экстремистской) стремится разделять, поддерживать и защищать принятую в ней идеологию и систему принципов и правил. В то время как свое негативное отношение к экстремистским действиям наиболее часто демонстрируют именно школьники, отметившие, что они не знакомы с экстремистскими организациями. В целом, можно отметить, что чем выше степень социальной дистанцированности от экстремизма, тем чаще респонденты отмечают свое негативное отношение к экстремистским действиям.

Что касается гендерных отличий, то отметим, что при ответе на данный вопрос московские и рижские мальчики настроены более категорично, нежели девочки, которое чаще склонны осуждать насильственное поведение и сочувствовать жертвам подобной агрессии. В частности это заметно по результатам варианта „Да, только такими способами сегодня можно отстоять свою позицию“. По данному варианту ответа выявлены значимые различия (8,4% мальчиков из Москвы, 8,0% – из Риги и 3,1% девочек из Москвы, 3,0% – из Риги, $p=.001$). Помимо этого, рижские девочки более склонны сочувствовать жертвам экстремистских действий, чем их сверстницы из Москвы (это 18,6% рижских школьниц и 11,2% – московских, $p=.01$). В целом, более негативное отношение девочек к экстремистским действиям, вероятно, определяется их полоролевой позицией, нежели социокультурными ориентациями. Можно предположить, что девочки, отвечая на данный вопрос, замещают понятие экстремизма агрессией и насилием в целом, тем самым выражая свое отношение не столько к экстремизму, сколько к агрессивному, девиантному поведению.

Таким образом, несмотря на преобладающее негативное отно-

шение московских и рижских подростков к экстремистским действиям, следует отметить, существование достаточно большого числа респондентов, которые в своем оценивании экстремизма занимают нейтральную позицию. Опасность в данном случае заключается в том, что именно эта группа представляет собой потенциальных будущих членов экстремистских организаций, т. к. именно отсутствие четкой позиции делает их максимально „незащищенными“ от влияния подобной идеологии. Особенно вероятным подобный риск становится в свете того, что информацию об экстремистских организациях подросток получает не только из СМИ и прочих достаточно отстраненных источников, но и из собственного микросоциального окружения, т. е. ее трансляторами уже выступают близкие друзья и знакомые, а значит, и сама информация будет восприниматься с наименьшей долей критики, чему способствует конформный характер взаимодействия с близким окружением.

Отношение подростков к санкциям против экстремистских действий

Целью анализа результатов по предыдущему вопросу являлось выявление личной позиции респондентов относительно экстремистских действий. Но, как мы уже отмечали, помимо собственной позиции респондента, очевидным индикатором отношения к экстремизму является мнение о санкциях, применяемых властями против экстремистских действий, т. е. оценивание происходит уже не на уровне принятия или отвержения, а на уровне оценки легитимности, основанной на принятых законах и общественных нормах. Обратимся к мнению подростков относительно того, какие именно действия должны преследоваться по закону. Следует уточнить, что когда речь заходит о мнениях относительно проблематики экстремизма в молодежной среде, то немаловажным является вопрос о том, какие именно действия или поступки следует трактовать как экстремизм. Необходимость подобного вопроса связана, прежде всего, с тем, что экстремизм в обыденном сознании (в т. ч. и в подростковой и молодежной субкультурах) и в правовой сфере, как правило, имеют разное значение и понимание. В связи с подобными расхождениями, стремясь выявить отношение молодежи к экстремизму, мы и пред-

лагали респондентам ответить на вопрос, где само по себе данное понятие замешалось целым комплексом более доступных и главное, менее расплывчатых определений, отношение к которым позволяет выявить общую картину оценки поступков, объединенных в понятие „экстремизм“ (в юридической квалификации).

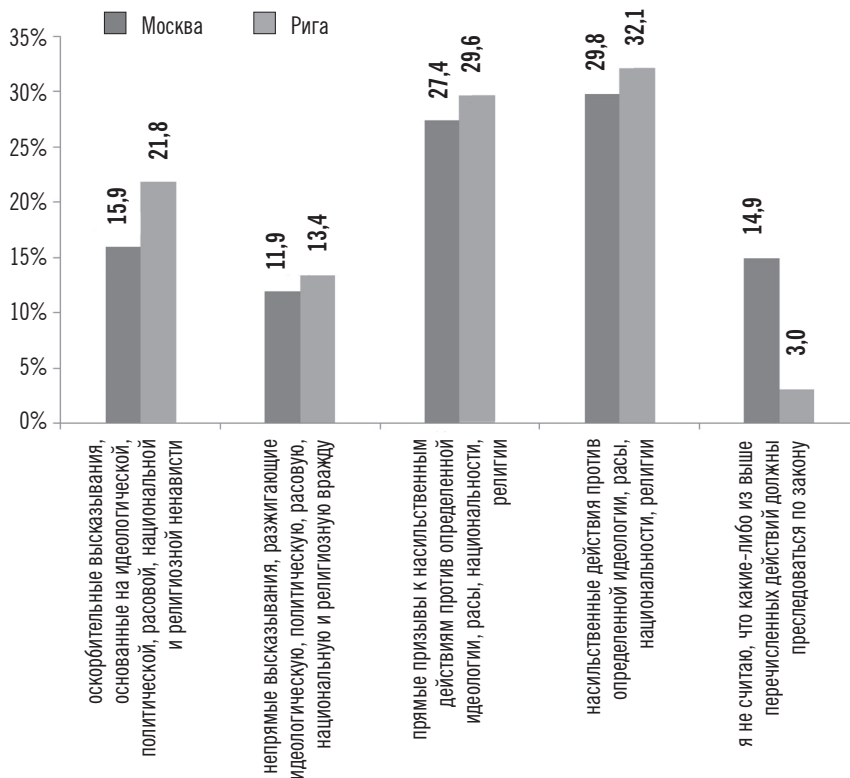


Рис. 4. Мнение школьников (Москва–Рига) относительно действий, которые необходимо преследовать по закону (%)

Как видно из рисунка 4, большинство московских и рижских респондентов (29,8% и 32,1%, соответственно) считают, что по закону следует преследовать именно насильственные действия против определенной идеологии, расы и религии. Немного меньше, 27,4% респондентов из Москвы и 29,6% ответивших в Риге, отмечают также,

что наказанию подлежат и прямые призывы к насильственным действиям. В силу отсутствия значимых различий можно констатировать, что в перечисленных вариантах ответа как московские, так и рижские школьники проявляют определенное единодушие. Но при этом нами выявлены существенные различия в ответах относительно варианта „по закону должны преследоваться оскорбительные высказывания, основанные на идеологической, политической, расовой, национальной и религиозной ненависти“. Такого варианта ответа придерживаются 15,9% опрошенных москвичей и 21,8% рижских респондентов ($p = .02$). В целом, подобное распределение отражает достаточно редкую ситуацию, когда общественная и юридическая (официальная) оценка явления или события совпадают. Возможно, подобное единодушие представляет собой результат профилактической работы (в т. ч. и информационной стратегии государства), являясь, в какой-то степени, инерцией определенных демонстрируемых позиций, нежели собственного мнения. Но, тем не менее, необходимо отметить, что позиция молодежи относительно экстремизма, в целом, достаточно жесткая и однозначная, особенно когда речь идет о проявлении прямой (вербальной или физической) агрессии. С другой стороны, нельзя не отметить, что 14,9 % опрошенных москвичей считают, что ни одно из перечисленных действий не должно преследоваться по закону. Опрометчиво было бы полагать, что эти 14,9% опрошенных выбрали подобный вариант ответа, исходя из собственного опыта (участия в экстремистских действиях или членства в группах), учитывая, что из них только 3,2% отметили свое членство в экстремистских организациях. Но, тем не менее, это достаточно большой процент ответов, который иллюстрирует наличие в молодежной среде не только негативного настроения по отношению к экстремизму, но и весьма неоднозначного (может, не положительного, но сочувствующего и принимающего). Опасность таких настроений заключается в том, что подобная направленность может трансформироваться в стремление принять или моделировать данный характер действий в собственной жизни, т. е. речь идет не только о принятии собственно экстремистских действий (течений, идеологии), но и агрессивного и насильственного поведения в целом. Именно носители такого, в общем, нейтрального мнения и представляют собой тот пласт молодежи, который вызывает наибольший интерес у идеологов, рекрутеров от экстремистских организаций, т. к. подобная пассивная позиция – благодатная „почва“

для взращивания новых членов экстремистских групп. Отметим, что процент рижских школьников, выбравших данный вариант ответов значительно меньше (3% респондентов, $p = .0004$).

Существенные различия в результатах по данному вопросу были выявлены при сравнительном анализе ответов русских школьников, проживающих на территории Риги, и латышей (см. таблицу 2). Отметим, что распределение вариантов ответов по степени популярности среди русских и латышей, в целом, отражает общие, выше представленные, результаты по данному вопросу, полученные на московской и рижской выборке.

Таблица 2.

МНЕНИЕ РУССКИХ И ЛАТЫШСКИХ ПОДРОСТКОВ ОТНОСИТЕЛЬНО ДЕЙСТВИЙ, ПОДЛЕЖАЩИХ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ ПО ЗАКОНУ (%)

	<i>Русские</i>	<i>Латыши</i>	<i>p =</i>
Оскорбительные высказывания, основанные на идеологической, политической, расовой, национальной и религиозной ненависти	49,8	46,5	.05
Непрямые высказывания, разжигающие идеологическую, политическую, расовую, национальную и религиозную вражду	36,6	22,6	.0006
Прямые призывы к насильственным действиям против определенной идеологии, расы, национальности, религии	69,5	61,1	.001
Я не считаю, что какие-либо из выше перечисленных действий должны преследоваться по закону	8,1	5,3	.0005

Но при этом, как видно из таблицы 2, русские школьники, в целом, занимают более радикальную позицию по отношению к любым действиям экстремистского толка. Независимо от национальной принадлежности, как русские, так и латыши уверены, что в наибольшей степени преследовать по закону следует именно насильственные действия против определенной идеологии, расы, национальности и религии. Также 69,5% русских подростков уверено, что по закону следует преследовать прямые призывы к насильственным действиям против идеологии, расы, национальности и т. д. Аналогичную позицию занимают 61,1% латышей. Далее по популярности, как среди русских, так и среди латышей, следует вариант ответа: „По закону необходимо преследовать оскорбительные высказывания, основан-

ные на идеологической, политической, расовой, национальной и религиозной ненависти". Такой вариант ответа отметили 49,8% русских и 46,5% латышских респондентов. Интерес представляет результаты, полученный по варианту ответа: „Я не считаю, что какие-либо из перечисленных действий должны преследоваться по закону". Речь идет о том, что, несмотря на более негативное (как показывают результаты в таблице) отношение русских школьников к любым действиям экстремистского характера, содержащих как прямые, так и косвенные формы физической или вербальной агрессии, именно данная категория рижских респондентов чаще отмечает легитимный характер подобных действий. То есть русские школьники из Риги чаще, чем латыши демонстрируют уверенность в том, что никакие, из перечисленных в вариантах ответа действия не следует наказывать по существующим законам (это 8,1% русских против 5,3% латышей, $p = .0006$). Таким образом, можно отметить, что данная часть русских респондентов демонстрирует большую лояльность к экстремистским действиям, нежели латыши. Подобная трансформация в оценке экстремистского поведения связана, вероятно, с тем, что такие действия, воспринимаясь как эффективные и необходимые способы защиты своих взглядов, не только принимаются на личностном уровне, но и наделяются легитимным характером, что делает их более приемлемыми, с т. зр. моральной оценки. Но при этом действия, направленные против представителей своей национальности, оцениваются крайне жестко и негативно, как в личностном, так и правовом контексте, что, собственно, и демонстрируют полученные результаты.

Следует отметить, что позиции мальчиков и девочек по данному вопросу несколько отличаются. Девочки, в отличие от мальчиков, склонны более жестко оценивать любые действия, содержащие компоненты прямой (вербальной или физической) агрессии. В то время как мальчики, наоборот, более „лояльны" к подобным формам поведения, видимо, трактуя их как вполне приемлемые. Таким образом, можно отметить, что вне зависимости от пола (статистически значимые различия отсутствуют), в целом, позиция респондентов относительно действий, содержащих экстремистскую составляющую, – негативная. Но при этом оценивание отдельных примеров подобных действий, содержащих в себе разнообразные формы агрессии, различно в зависимости от пола респондентов. Причина подобных разногласий содержится не столько в позиции опрошенных относи-

тельно самих представленных действий, сколько в различиях, касающихся агрессивного поведения, основанных на гендерном факторе.

Отношение к санкциям против различных экстремистских действий зависит не только от личного мнения подростка, но и фактора наличия собственного опыта общения с подобными организациями. Микросоциальное окружение и непосредственное членство в экстремистских организациях способно влиять на оценивание самих экстремистских действий и системы наказания. В частности, отметим, что вариант ответа „я не считаю, что какие-либо из перечисленных действий должны преследоваться по закону” выбрали 37,5% московских и 25,9% рижских респондентов, отметивших свое непосредственное участие в экстремистских организациях. При том, что аналогичный вариант отметили уже 26,8% и 5,6% опрошенных Москвы и Риги незнакомые с экстремистскими организациями, соответственно ($p = .05$). Подобные различия в ответах отчетливо демонстрируют влияние собственной включенности в группу на отношение к санкциям против нее. Идентифицируя себя с организацией, ее участники не просто принимают существующую в группе идеологию, но и активно ее отстаивают. Интересно, что не только непосредственное участие в экстремистской организации оказывает влияние на мнение о действиях подобных групп. Мы уже уточняли, что другим немаловажным фактором влияния следует считать микросоциальное окружение подростка, в частности, наличие в нем действующих членов экстремистской организации. Как показал анализ результатов, вариант ответа „я не считаю, что какие-либо из перечисленных действий должны преследоваться по закону” выбрали большинство (52,6%) московских подростков, отметивших наличие членов экстремистской организации среди близких друзей. В рижской выборке этот вариант отметили 16,7% школьников, имеющих близких друзей в экстремистских организациях. Очевидно, что подобное распределение связано с трансляцией внутри малой группы (близких друзей) экстремистской идеологии, которая способна трансформировать отношение подростка к подобной организации с отрицательного на „сочувствующее” („понимающее”) и даже – полностью положительное. При этом, чем больше социальная отдаленность от экстремистских организаций, тем выше частота мнений о том, что любые формы экстремистских действий должны преследоваться по закону. В частности, из всех московских и рижских школьников, которые отмечают, что „не знакомы

с экстремистскими организациями” 63% и 72,8% уверены, что любые насильственные действия против идеологии, расы, национальности и религии должны преследоваться по закону.

Таким образом, можно отметить, что независимо от национальной принадлежности и „социальной дистанции” большинство школьников демонстрируют негативное отношение к экстремистским действиям, оценивая их как противозаконные и наказуемые. Тем не менее, при более детальном сравнительном анализе результатов по факторам микросоциального окружения и статуса национальности видно, что степень включенности в группу, национальная отнесенность респондента и статус его нации способны определять характер отношения к экстремизму. В частности, в ситуации давления со стороны национального большинства и направленности властей именно на защиту интересов титульной нации меньшинство, в качестве наиболее эффективного способа отстаивания своих взглядов, обращается к экстремистским действиям, оценивая их как приемлемые и необходимые способы защиты, тем самым оправдывая деятельность экстремистских организаций и вступая в конфликтные отношения не только с большинством, но и с легитимной властью.

Оценка школьниками действий властей в отношении экстремистских организаций

Отношение к экстремизму характеризуется не только оценкой самих подобных организаций, но и политики властей в процессе противодействия экстремизму. Для выявления отношения школьников к действиям властей в этом плане респондентам предлагался вопрос: „Какими на Ваш взгляд должны быть действия властей в отношении организаций, допускающих в своей деятельности использование экстремистских методов?”. В целом, позиция московских школьников относительно данного вопроса более радикальна, как это видно из рисунка 5. Большинство московских школьников (42,6%) считает, что власти должны сразу пресекать деятельность экстремистских организаций. Подобной же позиции придерживается 38% рижских подростков. Интересно, что при этом школьники из Риги в большей степени склонны принимать более толерантную позицию к экстремистским организациям, чем московские, отмечая, что власти

должны запрещать деятельность организации лишь при повторных экстремистских акциях (это отметили 30,5% рижских и 23,5% московских школьников, $p = .03$).

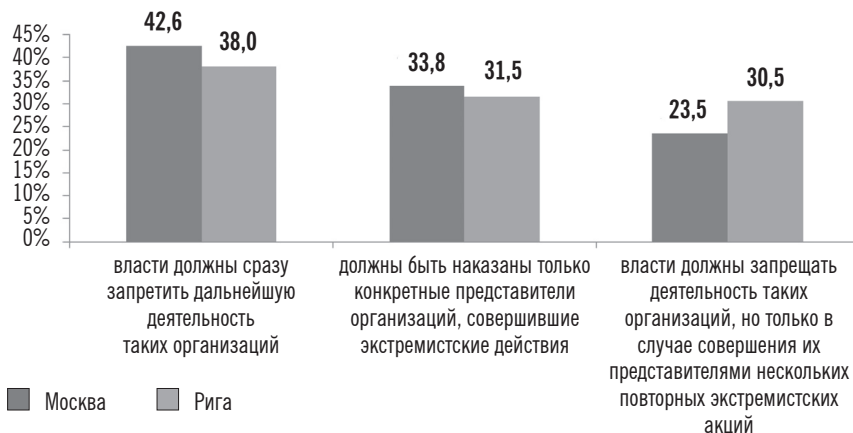


Рис. 5. Мнение подростков (Москва–Рига) относительно действия властей против экстремистских организаций (%)

Отношение подростков и молодежи к правительственным санкциям против экстремистских организаций во многом определяется не собственной личностной позицией, а статусом той национальной группы, к которой относит себя человек. Соотнесенность с национальным меньшинством или, наоборот, с титульной нацией формирует и определенные оценочные позиции относительно политики властей в процессе противодействия экстремизму. И если именно экстремистские организации позиционируются в сознании представителя национального меньшинства как объединения, способные защитить его от посягательств другой прослойки общества, то, соответственно, любые легитимные (правительственные) меры борьбы с экстремизмом, потенциально, будут оцениваться негативно. С другой стороны, любые агрессивные действия со стороны представителей большинства часто гипертрофированно негативно трактуются национальными меньшинствами. Крайней, но достаточно распространенной, формой подобного трактования является оценка действий стороны титульной нации как экстремистских, что ведет к детерминации недовольных настроений в отношении властей (которые обвиняются в попусти-

тельстве, недостаточной активности в борьбе с экстремизмом и т. д.). То есть отношение к экстремизму и политике государства в борьбе с подобным явлением ярче проявляется именно в ситуации отнесенности к национальному меньшинству, что выражается, прежде всего, в более радикальных оценках. Подобную точку зрения иллюстрируют полученные результаты сравнительного анализа ответов русских и латышских школьников.



Рис. 6. Позиция латышей и русских, проживающих в Риге, относительно политики властей против экстремистских организаций (%)

Как видно из рисунка 6, 41,7% русских подростков настроено категорично, отмечая, что позиция властей в отношении экстремистских организаций должна быть максимально жесткой. Такого же мнения придерживается лишь 28,9% латышей ($p = .0000$). В целом, подобный радикальный и негативный настрой иллюстрирует несколько важных аспектов. С одной стороны, преобладание данного варианта ответа свидетельствует не столько о негативном отношении русских школьников к экстремизму, сколько о наличии недовольства политикой государства в сфере защиты прав этнических и национальных меньшинств, выражающейся в вероятном отсутствии превентивных мер борьбы. С другой стороны, как мы уже отмечали, представителям национального меньшинства, в силу частых столкновений с титульной

нацией, более свойственно наличие агрессивных защитных реакций, не всегда адекватных степени предполагаемой угрозы. В то время как представители национального большинства в меньшей степени подвержены тревожным настроениям и, соответственно, более лояльны к различным формам проявления социальной активности (в т. ч. и к экстремизму). В частности, как видно из результатов, 35,9% латышей считает, что запрещать экстремистские организации следует лишь при повторении с их стороны подобных действий. Аналогичного мнения придерживаются лишь 24,8% русских подростков, проживающих в Риге ($p = .007$). Подобное разделение мнений связано с позицией самих респондентов, точнее со статусом их национальности. В данном случае русские школьники выступают представителями этнического меньшинства, поэтому можно предположить, с одной стороны, что они ощущают на себе негативное отношение со стороны титульной нации. С другой стороны, данные результаты косвенно отражают не только отношение русских подростков к экстремизму, но и к политике властей. И судя по ответам, национальное меньшинство считает, что действия властей не достаточно эффективны и жестки по отношению к экстремистским организациям, в то время как латышские подростки относятся более спокойно к проблеме экстремизма, т. к. организации подобной направленности, как мы уже отмечали, в качестве объектов своей деятельности выбирают представителей наименьшинств.

Что касается гендерных различий в плане отношения к политике властей, то, вероятно, в силу того, что в самой формулировке данного вопроса отсутствует описание экстремистских действий (в отличие от предыдущего вопроса), позиция девочек практически не отличается от мнения мальчиков (значимые различия отсутствуют). Более радикальную позицию по отношению к экстремистским организациям проявили именно мальчики, среди которых 45,6% и 38,2% (из Москвы и Риги, соответственно) считает, что власти должны сразу запрещать их деятельность. Подобной же точки зрения придерживается 39,7% и 37,7% опрошенных девочек из Москвы и Риги. При этом персонифицированная ответственность отдельных представителей экстремистских организаций, наоборот, видится московским девочкам (это 36,6% против 31% у мальчиков) как наиболее приемлемое действие со стороны властей. А рижские девочки (32,5%), наоборот, настроены наиболее лояльно, отмечая, что запрещать деятельность экстремистских организаций следует лишь в случае повторного нарушения закона.

Склонность подростков к выражению политического протеста

Экстремизм, как и многие другие формы девиантного и агрессивного поведения, отличается не только своей крайней опасностью для общества, но и влиянием на морально-ценностную сферу личности. Подобное влияние заключается в трансформации системы отношения личности к различным способам поведения в конфликте или ситуации, когда необходимо отстаивать свою точку зрения или взгляды. Речь идет о том, что можно не принимать экстремизм как форму политической активности и идеологию, но, тем не менее, использовать „околоэкстремистские“ способы выражения своих взглядов или тактику поведения в конфликте, в обычной жизни.

С другой стороны, предпочтения в определенных формах политического протеста представляют собой индикатор уровня развития как самого общества, институтов государства (в частности, судебных органов и СМИ), так и степени сформированности гражданской позиции, зрелости личности отдельного человека. В частности, нашим респондентам задавался вопрос относительно наиболее приемлемой для них формы политического протеста. В результате нами было получено следующее распределение предпочтений подростков относительно формы политического протеста (см. рисунок 7).

Как видно из таблицы, большинство (24,8% – из Москвы и 27,2% – из Риги) респондентов считают наиболее приемлемой формой выражения политического протеста участие в митингах и забастовках. Показательными представляются результаты по таким вариантам ответов как:

- „обращение в суд“ – 9,7% в Москве, 13,1% в Риге;
- „обращение к властям“ – 5,6% в Москве, 7,1% в Риге;
- „обращение в СМИ“ – 9,7% в Москве и 13,5% в Риге ($p=.05$).

Низкие показатели по данным пунктам среди московских школьников опосредованно демонстрируют нигилистическое и недоверчивое отношение к властям, в любых ее проявлениях, в т. ч. и неформальным (если речь идет о СМИ), а также – собственную пассивную гражданскую позицию. При этом, отметим, рижские школьники демонстрируют более высокую степень активности при взаимодействии с указанными гражданскими институтами. В общем, подобная картина демонстрирует более высокий уровень гражданского созна-



Рис. 7. Предпочтения школьников (Москва–Рига) в плане форм выражения политического протеста (%)

ния у рижских школьников. Подтверждением этого также следует рассматривать тот факт, что вариант ответа: „Никогда не возникало желание протестовать” у рижских школьников занимает лишь пятое место по популярности (10,2% респондентов). В тоже время у московских школьников данный вариант ответа – на втором месте (19,9%, $p=,002$) после „участия в митингах и забастовках”. Естественно, что в подростковом возрасте подобные варианты ответов и не могли выглядеть распространенными (вполне закономерно уступая, к примеру, варианту „обсуждению с друзьями” – 12,1% у московских и 9,9% у рижских школьников). Но учитывая, что вопрос носит, в том числе, и гипотетический характер, полученные результаты позво-

ляют сделать вывод о том, что отношение к власти и принадлежащим к ней институтам весьма неоднозначное, особенно среди московских школьников. При этом следует также отметить группу респондентов, выбравших вариант ответа „ношу протест в себе” – 5,1% и 2,9%, соответственно, в Москве и в Риге. Несмотря на небольшой процент выбравших данный вариант ответа, значимость данного результата заключается в другом. Это и есть упомянутая нами выше группа риска, представляющая собой носителей „латентного” конфликтного состояния, которое не проявляется не в силу каких либо личностных особенностей, а по причине поиска определенных способов выражения данного протеста. И как только данная „поисковая активность” будет завершена – будет выбран эффективный и приемлемый способ выражения своей точки зрения. При этом сам способ выражения может носить не только социально приемлемый, но и девиантный характер, учитывая, что сам протест уже имеет место.

При анализе результатов по данному вопросу среди мальчиков и девочек также были выявлены различия в предпочитаемых формах выражения собственного политического протеста.

В частности, статистически значимые различия наблюдаются в таких вариантах ответа среди московских школьников как:

- „обращение в суд” – 9,3% у мальчиков и 10,1% у девочек ($p=.001$);
- „обращение в СМИ”, который отметили 11,3% мальчиков и 7,8% девочек ($p=.001$);
- „обращение к властям”, выбранный 7,3% мальчиков и 3,8% девочек ($p=.05$).

Также следует отметить, что мальчики более склонны к участию в митингах и забастовках (26,3% опрошенных против 23,3% у девочек) и к актам гражданского неповиновения (5,4% у мальчиков и 3,4% у девочек, соответственно). То есть мальчики более склонны к прямым активным действиям, в т. ч. асоциального характера, в то время как девочки в качестве допустимых способов выражения своего протеста предпочитают косвенные, вербальные способы. Так, варианты ответа „обсуждения с друзьями” и „обсуждение в семье” выбрали 13,2% и 8,1% девочек против 11,1% и 4,8% мальчиков (по тем же позициям). В целом подобная картина демонстрирует не столько приемлемость и предпочтение тех или иных способов протеста, сколько диспозиции к конфликтному и агрессивному реагированию в разной форме:

вербальной – у девочек, физической – у мальчиков. При этом девочки чаще выступают носителями „скрытого” недовольства (7,2% опрошенных), нежели мальчики (2,9%), что также, возможно, объяснить гендерными различиями в процессе реализации агрессивного и конфликтного поведения, ввиду наличия у девочек более развитых тормозных механизмов агрессивного поведения. Именно поэтому и „экстремистский путь” выражения своего политического протеста практически игнорируется девочками (1,6%), в то время как мальчики выбирают такой способ в два раза чаще (3,2%).

Что касается возрастных изменений в плане предпочтений выражения своего политического протеста, то следует отметить, что у московских школьников с возрастом более актуальными становятся



Рис. 8. Предпочтения учащихся 9-х и 11-х классов московских школ в формах выражения политического протеста (%)

легитимные и официальные способы. В частности, если в 9-м классе вариант „обращение в суд“ выбирают 8% респондентов, то в 11-м – это значение возрастает до 11,7% ($p = .0001$). Такая же тенденция наблюдается и в варианте „обращение к властям“: 5,4% и 6,3% опрошенных в 9-х и 11-х классах, соответственно (см. рисунок 8).

Но при этом следует отметить, что к 11-му классу политическая активность московских школьников в целом возрастает. В частности, это демонстрируют различия среди учащихся 9-х и 11-х классов при выборе варианта ответа „никогда не возникало желание протестовать“ – 22,4% против 17,5%, соответственно ($p = .05$). Ученики 11-х классов в меньшей степени демонстрируют пассивную позицию, отмечая, чаще девятиклассников (23,9%), свою готовность бастовать и принимать участие в митингах (26,4%).

Что касается учащихся 9-х и 12-х классов рижских школ, то, как видно на рисунке 9, по мере взросления также увеличивается процент респондентов, которые отдают предпочтение легитимным формам выражения протеста (обращение в суд, СМИ и к властям). Но, несмотря на это, наиболее приемлемой формой протеста остается участие в митингах и забастовках, и эта форма в 12-м классе становится еще популярнее (28,1% и 26,4% в 9-х и в 12-х классах, соответственно). Также незначительно увеличивается (с 2,6% до 2,9%) число тех, кто не проявляет свои протестные настроения открыто.

Следует отметить, что предпочтения школьников относительно форм проявления собственного политического протеста представляются достаточно инвариантными. В частности, как показал сравнительный анализ результатов ответов по данному вопросу по таким факторам как „национальная принадлежность“ и „микросоциального окружения“, независимо от национальности и наличия (отсутствия) в ближайшем окружении школьника членов экстремистских организаций, наиболее популярной формой выражения собственного политического протеста является участие в митингах и забастовках. Тем не менее выделим ряд интересных, на наш взгляд, результатов. Так, несмотря на преобладание ответа „участие в митингах и забастовка“ во всех группах следует отметить явную тенденцию. Она выражается в том, что чем больше включенность экстремизма в микросоциальное окружение школьника, тем чаще отмечается данный вариант ответа. Например, среди москвичей, которые отметили свое непосредственное членство в экстремистских организациях, 60% выбрали данный



Рис. 9. Предпочтения учащихся 9-х и 12-х классов рижских школ в формах политического протеста (%)

вариант ответа, в то время как среди тех, кто отметил наличие в своем ближайшем окружении членов подобных организаций, 25% отметили вариант „участие в митингах и забастовках” ($p = .05$).

Отметим также, что „экстремистские настроения” в целом чаще проявляются именно среди рижских школьников, независимо от национальной принадлежности и степени знакомства с экстремистскими организациями. Показательными в данной ситуации являются результаты среди респондентов, которые отмечают, что не знакомы с экстремистскими организациями, но при этом все равно выбирают в качестве наиболее приемлемого способа выражения собственного политического протеста участие в митингах и забастовках. И если в

Москве число таких школьников составило 25%, то среди русских, проживающих на территории Риги и среди латышей – 41,3% и 40,9%, соответственно ($p = .001$). Естественно, что участие в митингах не следует отождествлять с собственно экстремистскими способами выражения политического протеста, но, тем не менее, обе данные формы поведения объединяет, как правило, отсутствие легитимности. Исходя из этого, можно предположить, что участие в митингах – это, в определенной степени, диспозиция к более радикальным формам социальной активности, в т. ч. и к экстремистским действиям. Как отмечают зарубежные исследователи экстремизма и терроризма (в частности – *G. H. McCormick*), подобные трансформации весьма вероятны. То есть само наличие протестных настроений и опыт их проявления в виде различных нелегитимных массовых акций (митинги, шествия, забастовки), которые формально отличаются от экстремистского поведения, представляют собой основу для дальнейшего проявления откровенно экстремистских форм проявления конфликта (3). Подобное предположение косвенно подтверждается и тем, что экстремистские способы выражения своего политического протеста также нашли наибольшее отражение среди респондентов рижской выборки. Но особенно ярко это проявляется у латышских школьников. Так, среди респондентов, которые отметили свое членство в экстремистских организациях, экстремистские способы выражения протеста выбрали 4% москвичей, 5,4% русских из Риги и 20% латышей ($p = .0001$). А среди школьников, отметивших наличие среди друзей членов экстремистских организаций аналогичную форму выражения политического протеста отметили 8,3% москвичей, 18,8% – русских подростков из Риги и 25% – латышей ($p = .05$).

Таким образом, как показали результаты по данному вопросу, школьники занимают весьма активную социальную позицию, которая проявляется в готовности открыто, и не всегда легитимно, проявлять свою политическую волю и протест. При этом очевидно, что легитимные способы выражения протеста представляются недостаточно популярными. Вероятно, подобная ситуация связана с несколькими причинами. Во-первых, в силу возрастных особенностей, подростки и молодежь демонстрируют нигилистическое отношение к формальным, общественным законам, а значит – и к институтам, которые являются трансляторами и исполнителями данных законов. Во-вторых, в силу своего максимализма и протестной позиции, об-

ращение к легитимным формам проявления собственного политического протеста (в т. ч. и при помощи обращений в суд, СМИ и к властям), вероятно, оцениваются как неэффективные.

* * *

Подводя итоги проведенного исследования, следует выделить ряд важных моментов, отражающих специфику отношения подростков и молодежи к экстремизму.

Во-первых, как у московских, так и у рижских школьников преобладает негативное отношение к экстремизму. Прежде всего, оно выражается в достаточно категоричной позиции в отношении любых действий экстремистского характера, а также в оценивании роли властей в процессе противодействия этому опасному социальному явлению. При этом сами опрошенные, в подавляющем большинстве, не знакомы лично с экстремистскими организациями, но, тем не менее, достаточно часто отмечают наличие друзей и знакомых, имеющих отношение к подобным группам, что само по себе иллюстрирует тревожную тенденцию распространения экстремистских взглядов в подростковой и молодежной среде.

Во-вторых, отметим, что микросоциальное окружение подростка, равно как и личное участие в экстремистских организациях, существенно влияют на оценивание как самих подобных групп, так и санкций, которые применяются властями в процессе противодействия экстремизму. Можно сказать, что степень „социальной дистанции“ в данном случае определяет характер отношения к экстремизму. И чем ближе школьники знакомы с экстремизмом, тем больше степень его принятия, в т. ч. и как легитимизированной формы конфликтного поведения.

В-третьих, несмотря на общий негативный характер отношения к экстремизму, наблюдаются существенные различия в его оценивании, основанные на факторе национальной принадлежности к меньшинствам или титульной нации. В частности, как показало наше исследование, ситуация трансформации статуса национальности (от национального большинства к национальному меньшинству) способствует тому, что экстремизм в большей степени начинает восприниматься как эффективный и адекватный способ защиты собственной национальной идентичности, принципов и взглядов. Аналогичный фактор играет весьма существенную роль при формировании позиции в от-

ношении политики государства в процессе противодействия экстремизму.

Отметим также, что весьма незначительным оказалось влияние гендерного и возрастного фактора. В данном случае следует выделить лишь тенденцию к легитимизации протестного поведения у подростков в процессе взросления и очевидные предпочтения в формах проявления подобного поведения среди мальчиков и девочек. Также по полученным результатам можно предположить наличие у рижских школьников более активной и сформированной гражданской позиции, которая выражается в большем стремлении отстаивать свою точку зрения, прибегая к помощи различных институтов гражданского общества. В то же время именно среди рижских школьников наиболее ярко проявляются диспозиции к экстремистскому поведению, в т. ч. в процессе выражения собственного политического протеста.

Таким образом, как показало наше исследование, в процессе формирования отношения к экстремизму в подростковой и молодежной субкультурах, сложно выделить какой-либо один существенный фактор. Наоборот, следует рассматривать данную проблематику (как в рамках исследований, так и в процессе профилактики) системно, учитывая целый ряд условий, определяющих отношение к экстремизму. Как мы уже отмечали ранее, наряду с общими причинами, обусловленными особенностями социальной, экономической и политической жизни общества, следует учитывать и специфику возраста в данных субкультурах, а также такие параметры как национальная принадлежность и микросоциальное окружение школьников.

Литература

1. **Кубякин, Е. О.** Особенности профилактики молодежного экстремизма в современной России. *Общество: политика, экономика, право*, № 1, 2011, с.19–24.
2. **Собкин, В. С., Ениколопов, С. Н., Кропачев, В. Н.** Студенческая молодежь Дагестана об отношении к терроризму. **В кн.:** *Толерантность в подростковой среде. Труды по социологии образования. Т. IX, вып. XVI.*

Под ред. В. С. Собкина. Москва: Центр социологии образования РАО, 2004, с. 115–131.

3. **Тян, А. А.** Особенности структуры социальной идентичности членов неформальной группы (на примере футбольных хулиганов). *В кн.: Социология образования. Труды по социологии образования. Т. XV, вып. XXVII.* Под ред. В. С. Собкина. Москва: Институт социологии образования РАО, 2011, с. 103–115.
4. **Чупров, В. И., Зубок, Ю. А.** *Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции.* Москва: Изд-во „Академия”, 2009. 320 с.
5. **McCormick, G. H.** Terrorist Decision Making. *In: Department of Defense Analysis, Naval Postgraduate School.* California, Monterey, 2003, p. 473–507.